

"Не спи, не спи, художник..." Воспоминания о Юрии Егорове

Чем дальше живешь, тем больше начинаешь ценить приметы времени, живые, черновые, сиюминутные. Смешные, не парадные подробности, которые в процессе жизни кажутся такими незначительными, необязательными, случайными. А именно в них и прячется настоящий аромат жизни, и именно из них выглядываем настоящие мы и настоящие те, кто живет или жили рядом, родные люди — неправильные, но такие любимые.

Вот, наконец-то удалось выкроить немного времени, чтобы никуда не бежать, а просто посидеть за столом с мамой, повспоминать.

— А как вы с папой познакомились?

— Ко мне домой пришла целая делегация, и моя приятельница сказала, что "один старательный художник" хочет написать мой портрет. Я так удивилась и подумала — это что же, значит, я такая красивая?..

— А где он тебя увидел, когда захотел тебя написать?

— Накануне мы целой компанией ходили слушать симфонический концерт. Это был какой-то небольшой зал рядом с Русским театром. Обычно такие концерты идут без антрактов, а тут почему-то был антракт. Юра сидел в самом дальнем углу, мы почему-то подошли к нему, и он рассказывал анекдоты, которые меня ужасно удивили.

— Чем же? Какие?

— Ну, например: из зоопарка выгнали жирафа — за конструктивизм, попугая — за импрессионизм, и обезьяну — за плагиат.

— А что тебя так удивило?

— Ну, в Одессе обычно рассказывали анекдоты про евреев, а он — про жирафа с попугаем. Потом мне объяснили, что он приехал из Северной столицы — Юра учился тогда в ленинградской Академии.

— То есть он тебя сразу впечатлил?

— Нет, я на него как-то не очень обратила внимание. Он был очень плохо одет, казался таким худым, длинная шея торчала. А за мной тогда все так ухаживали. После концерта кто-то помогал мне надеть шубку, кто-то шапочку, а Юра помогал застегнуть ботики.

— Значит, когда пришла эта делегация, ты уже понимала, о каком художнике речь?

— Нет, я как-то сразу о нем не подумала. Да, а когда мне его отрекомен-

довали, то сказали еще, что он — сын Николая Егорова. Я так удивилась — Николай Егоров же еще молодой человек, и у него такой взрослый сын, который уже учится в Академии?

— Так ты тогда знала Николая Егорова?

— Конечно, он был знаменитым в Одессе солистом балета. И преподавал. А одна из моих подружек танцевала в "Спящей красавице" партию маленькой красавицы, она лично знала Николая Егорова и очень этим гордилась.

— Ну, так что было дальше?

— Так вот, после таких рекомендаций приходит Юра. Но когда он вошел в комнату, Марфута была им очень недовольна.

— Это домработница?

— Да, я же выросла с домработницами — мама всегда работала, день и ночь. Так вот, у Юры были какие-то очень старые брюки, обтрепанные, с бахромой, образовавшейся от времени. А зима в Одессе, как ты знаешь, слякотная, и от этой бахромы на натертом паркете образовался мокрый след. Конечно, Марфуту это не обрадовало.

— А ты говорила, что папа ходил иногда в дедушкиных балетных тапочках.

— Да, но это бывало летом, когда было сухо — он надевал балетные тапочки своего папы.

Ну вот. А потом Юра попросил меня показать все мои одеяния. А одежаний-то особенных и не было. То, что мне казалось самым нарядным, он тут же забраковал и выбрал красную кофточку с широким рукавом. На следующий день пришел с мольбертом и большим холстом, начал писать.

— А где сейчас этот портрет?

— Не знаю, куда он девался. Но пока он меня писал, Марфута все негодовала, какой он худой, все время хотела его кормить.

— Ну, так пусть бы и кормила.

— Она так и делала. Поставит на стол кастрюлю только что сваренного борща или супа и говорит: "Спасибі товарищу Сталіну, що він приготував нам обід!". Юрка был в восторге.

Но все равно она высказывала мне потом: "І що це за кавалер? Він же такий хліпкий! Ось я б його як взяла б під силу!" — и показывала, как она бы его запросто подняла и бросила.

— А она была толстая?

— Ну, такая кряжистая, крепкая. Так я как-то Юре рассказала, что она

говорит. Юра подошел к ней и говорит: "Марфута! Так ты можешь меня взять "під силу!"?". Потом как схватил ее, поднял в воздух — только трикошки голубые сверкнули в вышине, и раз — она оказалась на тахте. После этого Марфута его очень зауважала.

— А помнишь, когда мы жили уже в ДOME художников на Чкалова, папа как-то рассказывал, что после художественного совета он зашел в гастроном у нас под домом, а там к кому-то из художников пристали какие-то алкаши-хулиганы. Папа увидел, что завязалась драка, и поспешил к своим на помощь. Ударил одного — тот почему-то улетел куда-то далеко, как в кино. Ударил другого — тот тоже отправился в полет. Остальные разбежались. Так на следующий день обидчики каким-то образом узнали, что подрались с художниками, и пришли в Союз извиняться, а заодно выяснить фамилию художника, который еще и мастер спорта по боксу. Папа очень смеялся, потому что до этого никогда в драках не участвовал и просто не имел возможности измерить силу своего удара.

— Да, это было.

— Ну, ладно, а потом, дальше как все разворачивалось?

— Потом Юра как-то пригласил меня с подружкой Надей посмотреть, как он зимой купается в море. Он тогда закалялся. Мы пришли на пляж, Юра разделся до плавок и пошел купаться. А мы с Надькой просто обалдели — он был так красиво сложен... Он был такой красивый, что просто невозможно было себе представить. Казалось, что это принц, нарочно переодетый в костюм нищего.

И еще, когда я впервые пришла к Юре домой, в коммуналку, я увидела там его автопортрет в костюме принца, в берете с пером.

— А откуда у него взялся этот костюм?

— Наверное, театральный. Но еще меня поразило, в какой бедности живут артисты.

— А бабушка Нина тоже была известной?

— Ну, меньше, чем Николай Петрович.

— А я когда-то давно, когда репетировала Джульетту у Александра Демидова (создателя первого в Москве и в СССР эротического театра), обмолвилась, что мои дедушка и бабушка — Николай Егоров и Нина Беленькая. Так Демидов пришел в неописуемый восторг — оказывается, он вырос в Одессе, обожал балет, знал все их танцевальные партии. И сказал, что Нина Беленькая была прекрасной характерной танцовщицей.

— Да, она была хорошей балериной, и даже поначалу учила дедушку. Но Николай был более знаменит.

- А ты пришла к ним, когда вы с папой уже решили пожениться?
- Нет, мы часто куда-нибудь ходили вместе — он же за мной ухаживал. Правда, иногда идем мы вместе, а Юра вдруг задумается и забывает, что я рядом, уходит вперед, все дальше, дальше, а я — отстаю...
- А потом?
- Потом вдруг вспоминает, начинает меня искать.
- А когда находит?..
- Так радуется!
- А ты к этому — как?..
- Мне это очень нравилось, и было так удивительно... Все, кто за мной ухаживали, всегда были так внимательны, предупредительны, буквально на руках носили... А он вдруг мог так сильно задуматься о чем-то своем...
- А тот маленький портретик акварелью, где ты в профиль, — это папа тогда же нарисовал?
- Нет, это уже в Ленинграде, когда мы поженились, и я к нему приезжала. Мы жили тогда на Невском, и к нам часто приходил Илья Глазунов.
- А почему?
- Они с Юрой вместе учились в Академии, дружили. Кстати, в Илье тоже было что-то от замаскированного принца.
- А как папа сделал тебе предложение?
- Сказал: "Выходи за меня замуж".
- А ты?
- Я сказала: "Хорошо, только надо маме сказать". Юра говорит: "Ну, пошли". А мама тогда лежала в больнице, тут же, неподалеку, на Бебеля, 14. Что-то у нее было со спиной, ей делали какую-то атаку.
- Мы с Юрой пришли, сказали. Она так расвирепела! "Как! Я тут лежу, а вы!.. Сейчас такая жизнь! Как вы можете?" Стала на нас кричать. Мы совершенно не ожидали. Юра был потрясен: "Ведь родители благословляют детей даже на смертном одре...".
- А сколько тебе было лет?
- Года двадцать два. Я была на пятом курсе.
- А почему же она вдруг так?..
- Наверное, ей просто не нравился Юра. Она считала, что все — на ее шее. "Вот, еще и дети пойдут — и все на мою шею!" А за мной еще ухаживали многие, и в любви признавались, и предложение делали. Бабушка, наверное, надеялась, что я выберу кого-то посolidнее, понадежнее...
- Ну, и как же вы?
- Ушли не солоно хлебавши. Это было летом. Потом Юра поехал

в Ленинград учиться дальше. А потом, уже зимой, он был в Одессе, и мама уехала куда-то в командировку. Мы с Юрой были в какой-то компании. Он пошел меня провожать, зашел к нам. Он стал ко мне приставать.

— А раньше что — не приставал?

— Приставал. Ну, а тут он как-то уж совсем сильно... Мы боролись-боролись, а потом я говорю: "Ну, раз так, пойдем в комнату, я постелю нормально".

— Это было — в первый раз?

— Да, в первый. Я постелила на тахте крахмальные простыни... Юра такого вообще не понимал — он об них себе все локти стер...

А наутро вдруг вернулась мама... и видит такую картину! Как она раскричалась: "Ах, вы так! Тогда немедленно регистрироваться!". И тут же она как-то все оформила, в этот же день. Она же была заведующей ЗАГСа. Так к нам, по-моему, пришла на дом какая-то сотрудница с книгой записей.

— Так вы что — даже в ЗАГСе не были?

— Нет, она нас не пустила, видно, боялась, что Юра убежит по дороге.

— А папа как к этому отнесся?

— Он был очень доволен. Он, собственно, это давно предлагал, а мама не соглашалась!.. Ну вот, потом пришла Марфута, еще зашел еще один знакомый. И мы сели таким маленьким составом, отметили нашу свадьбу.

А вскоре Юре нужно было уезжать в Ленинград — в Академию. Я так расстраивалась, говорила: "Так что же, раз я теперь замужем, я не смогу ходить во все компании?..". А Юра говорил: "Вот и хорошо!".

— А ты хотела, чтобы за тобой продолжали ухаживать?

— Ну, наверное... За мной тогда ухаживал один парень — он был такой красивый, высокий... Он был старше нас — уже работал. Правда, мне за него замуж все равно почему-то не хотелось. А на какой-то Новый год другой молодой человек начал объясняться мне в любви... вдруг заплакал, стал говорить: "Ну, конечно, что я могу тебе дать?.. Я простой... Тебя же нужно так обеспечивать!". Мне было так странно. Он мне совсем не нравился... но непонятно, почему вдруг он решил, что меня нужно "так обеспечивать"?

— Ну, так папа уехал, а потом ты приехала к нему в Ленинград?

— Нет, в Ленинград я поехала позже. Сначала я доучивалась в Одессе и посылала Юре свою стипендию. Мама была страшно недовольна: "Вот! Муж называется!".

— Но вы же тогда хорошо жили?

— Да! Ну, если у нас все время были домработницы!.. Мама тогда очень хорошо получала. У нас недостатка ни в чем не было. А Юра просто бедствовал, жил впроголодь, стипендия была мизерная.

А после Водного института меня распределили в Клайпеду. А поехав туда, я стала просить, чтобы меня послали работать в ленинградский порт, поближе к мужу. Так я приехала в Ленинград.

В Ленинграде мы сначала жили у маминой подруги. Потом мама стала присылать деньги, и мы могли снимать комнату. Но как-то нам с этим не везло, и мы часто переезжали с квартиры на квартиру.

Юра стал водить меня к своим друзьям, знакомить со всеми. У него был друг намного старше его (лет сорока), с женой. Они потом выражали Юре свои восторги по поводу меня и сказали: "Ну, у тебя такая жена! Ей нужна соответствующая оправа!". И вообще, все друзья в один голос говорили: "Юра! Таковую женщину — как же нужно обеспечивать!".

И чего они все решили, что меня нужно как-то так уж обеспечивать? Никогда мне не была нужна какая-то особая "оправа".

— А Саша Адманчук к тебе как-то особенно относился?

— Да. Вера всегда говорила, что Саша в меня влюблен, и при Юре. А когда Саша умирал, Вера пришла ко мне и умоляла, чтобы я пошла к нему в больницу, сказала, что он очень этого хочет. Я тогда не знала, что все так серьезно. В больнице я села рядом, а он взял меня за руку и стал рассказывать, как он меня впервые увидел... много об этом говорил, не выпускал мою руку...

А однажды, еще давно, после Юриной болезни — он тогда только вышел из больницы, к нам вдруг пришли Вера с Сашей и пригласили к себе — посмотреть Сашин этюд. Мы пришли, смотрим, а на этюде — земной шар, а по обеим сторонам — обнаженные фигуры: слева я, а справа — Юра. Причем абсолютно похожие. Юра обалдел: "Ты что, ему позировала?". Я говорю: "Я вообще никому, кроме тебя, не позировала". Юра: "Точно?". Я: "А ты — что, ему позировал?" — "Нет". Вообще, непонятно, как он мог так подробно и точно написать.

А еще раньше Саша тоже позвал нас посмотреть этюд, где были двое целующихся на лодке, — такой страстный поцелуй, казалось, они вот-вот перевернутся, даже страшно за них было, так девушка вплоборота — точно я, один к одному.

— Ну, а папа как?

— Ему очень понравилось, он сказал: "Отличный этюд!".

Сколько себя помню — всегда, несмотря на развод, мама относится к папе тепло и с любовью, ходит к нему на выставки, бывает в мастерской. Собственно, они всю жизнь были связаны душевно и питали друг к другу интерес. Папа тоже частенько приходил не только к нам, детям, но и к маме — просто пообщаться. А когда мама защищала диссертацию, был у нее на защите и оценил ее выступление. И сейчас мама, вспоминая о папе, преображается, молодеет, светлеет лицом.

Каждый год, приезжая в Одессу, я бывала у папы на даче, на Бугазе. Как-то мы сидели, разговаривали о театре, о кино. И папа сказал:

— Я вообще не понимаю, как режиссерам удается работать. Ведь у них краски — это актеры. И насколько я понимаю, каждый норовит выпендриваться, выражать недовольство, доказывать что-то свое... Да если бы мне какая-нибудь краска сказала: "А я не хочу так ложиться, я хочу эдак!"... Да я бы ее!..

И тут его коронное выражение лица и жест, которые не оставляли сомнений в том, что такой краске действительно не поздоровилось бы.

Вообще, папа писал всегда с каким-то остервенением. Сначала смотрел на натуру очень цепким взглядом, фокусировал, что-то прикидывал, корректировал, менял. Потом внутри, где-то глубже, за глазами, происходило что-то вроде щелчка. Тогда он жадно набрасывался на холст, очень собранно, но как бы боясь не успеть, упустить что-то чрезвычайно важное. Потом напряжение только росло и росло. Он яростно месил краски на палитре, впивался кисточками в холст, а глазами — в натуру. В эти периоды нельзя было и думать пошевелиться, попросить отдохнуть — папа зверел и ругался. Позже, когда ему уже удавалось зафиксировать это впечатление, он милостиво позволял отдохнуть — говоря что-нибудь вроде: "Ладно, можешь купнуться". Все это происходило, как правило, на палящем солнце, где-нибудь у моря или лимана, куда он притаскивал на себе кроме тяжеленного мольберта, как правило, большущий холст, который в ветреную погоду кроме тяжести обладал еще огромной парусностью.

Однажды, не помню, кто из знакомых или родных посочувствовал папе, что ему приходится тратить на живопись столько сил. И нельзя ли, дескать, писать спокойно где-нибудь в мастерской? На что папа довольно раздраженно ответил, что он бы тоже не возражал, если бы картины появлялись оттого, что просто, к примеру, дунешь в воздух — и вот тебе: картина готова. "Я тогда бы только и делал, что сидел и дул, так — фух, фух, фух!.. Только, к сожалению, от этого картины не появляются! Поэтому приходится таскаться с холстами и часами писать на солнцепеке".

Еще он терпеть не мог, когда кто-то становился за спиной и смотрел,

как он пишет, да еще, не дай бог, пытался давать советы или комментировать. Папа недолгое время молча накалялся, давая возможность любопытствующему уйти добровольно. А потом так на него рявкал, что беднягу сдувало могучим ураганом и, думаю, навечно отбивало всякий интерес ко всему, связанному с живописью.

Про халтуру он говорил, что написать какой-нибудь портрет вождя — это все равно, что выпить стакан яду. Но зато можно потом, очухавшись, несколько месяцев писать то, что хочешь.

А в 2007 году был забавный случай. У нас с папой была договоренность, что если я уходила на море, то ключ от калитки должна была закопать в песок в условленном месте. Я так и сделала. Прихожу с моря — все перекопано, а замок на воротах висит закрытый. Я перепугалась, думаю: кто-то чужой увидел, выкопал ключ и унес — что делать? Стала рыть песок — нахожу ключ прямо рядом с очагом раскопок. Только хотела открыть замок — из глубины садика выходит папа, негодует: "Мы же договаривались не брать ключ на море, а закапывать!". Оправдываюсь: "Я закопала! Вот тут, как договорились, на два сантиметра левее, чем ты копал...". Папа ничего не хочет слушать и продолжает меня отчитывать: "Я должен в 80 лет через забор лазить!". Я посмотрела на высоту забора и подумала: "Ничего себе у меня папочка! И вправду, в 80 лет (даже в 81) преодолевать такие препятствия!". И хотя оправдаться мне так и не удалось, но я тихо за него порадовалась.

Мысли снова и снова соскальзывают нечаянно на одну и ту же бороздку: такая недавняя встреча — сентябрь 2008 года, папина мастерская, чай с печеньем, запах красок, его новые издания — красивые, с репродукциями, со статьями на разных языках, разговор о бессоннице. У папы пожизненная бессонница: "Последний раз я спал нормально только в армии. Там я спал как убитый. Там помнишь только "отбой!" и тут же — "подъем!". Как будто секунда прошла. И возвращаешься откуда-то, как с того света. А как только начал всерьез заниматься живописью, сон ушел".

А через месяц — поезд... цветы, черные ленты, венки, прощанье, слова...

И каждый раз как бы очнувшись, пытаюсь ухватиться за чай, запах красок, разговор... И каждый раз натыкаюсь на жесткую ясность: если было то, другое, то разговоров и чая с папой уже не будет. Совсем. Никогда. Не будет ни в его мастерской, ни на Бугазе, ни у него дома — нигде.

Да... всю жизнь у него для сна не оставалось места — сон забегал воровато на пару часов в самое разное время суток, а потом бесследно испарялся.

Но если представить на минуточку, что вся та энергия, которая ломится из его картин, до этого находится внутри человека и, распирая, требует выхода, выплеска, извержения, чтобы не взорваться, то совершенно ясно, что спать с таким вулканом внутри весьма и весьма проблематично. И понятным становится его пренебрежение к бытовым проблемам, и частенько нетерпение к людям, разговорам и ситуациям, отнимающим такое драгоценное, такое концентрированное и многоцветное время — на ерунду. И невольно вспоминаются строчки:

"Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник,
У времени в плену".

Ирина ЕГОРОВА

Памяти папы

В прищуре взгляда между скул
Жизнь билась в ритме сумасшедшем,
Спать не давая... но уснул —
И время сделалось — прошедшим.

Палящей страсти к красоте
Был предан, как фанатик — вере,
Прикован к краскам на холсте,
Как каторжник — к своей галере.

.....

Смерть раскрывает капюшон, но...
Стенать довольно... все — не сметь...
Я ненавижу завершенность,
Я ненавижу слово "смерть"!

Пока тебя трясли, как грушу...
Покуда метили — "на сруб",
Мне выкорчевывало душу,
Как будто изболевший зуб.

Неужто — всё?.. свершилось это...
Что — невозможно не уйти?..

Но жарит исступленным светом
Полдневный зной твоих картин.

.....

Несется поезд на закат,
Ревет, как бык в момент корриды.
А в мой уставившийся взгляд
Дорога скармливает виды.
Вот, огибает лес сторонкой —
Деревья, озеро, поля...
Зияет полою воронкой
В моей груди — моя земля.

.....

Ты мне оставил это детство,—
Все набекрень, все колесом...
И драгоценное наследство —
Наборы ген и хромосом.

Но сколько мыслями ни мешкай,
Силки душе уж не совьешь...
Ты, с саркастической усмешкой —
В прошедшем времени живешь.

Москва
Октябрь-ноябрь 2008

